

УДК 394, 397.4

DOI: 10.17223/2312461X/22/3

«УЧЕБНАЯ НАРТА» И КЕРОСИНКА, ИЛИ TUNDRASKILLS ДЛЯ КОЧЕВОГО ВОСПИТАТЕЛЯ*

Александра Николаевна Терехина

Аннотация. Представлен опыт антрополога в роли воспитателя кочевого детского сада во время длительной полевой работы среди ненцев-оленьеводов полуострова Ямал (Ямало-Ненецкий АО, Российская Федерация). Автор рассматривает комплекс взаимодействий с людьми на стойбище и повседневных практик работы детского сада в тундре, а также предпринимает попытку выявления соответствия двух концептуальных моделей – системы федеральных норм образовательного процесса и кочевого образа жизни оленеводов.

Ключевые слова: Ямал, ненцы, оленеводы, кочевая школа, кочевой детский сад, образование для коренных народов Севера

«Школа идет за учеником», «Малые народы Арктики смогут обучаться в специальных “кочевых школах” – вот только пара заголовков статей об образовании для коренных народов Севера в региональных и федеральных изданиях (Аветисян 2017; Школа идет... 2017). Несмотря на то, что лишь малая часть детей учится в кочевых образовательных учреждениях, кочевые школы – явление, ставшее в сибирских регионах популярным брендом, наиболее привлекательным для СМИ и репрезентации этнокультурной политики. В медийном пространстве большой интерес вызывают романтический образ учителя, передвигающегося вместе с оленеводами, и школа, кочующая за семьями номадов в тундре или тайге.

В основу данной статьи легли полевые материалы, собранные мной в ходе годовой экспедиции к ненцам-оленьеводам Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), проведенной вместе с А.И. Волковицким в 2015–2016 гг. (ПМА 2015–2016). В период всего исследования для более глубокого изучения темы кочевого образования я работала воспитателем кочевого детского сада. В тексте также используются материалы последующей полевой работы в округе в 2017 г. и двух краткосрочных полевых выездов к ненцам и долганам Красноярского края в 2012 и 2013 гг.

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (№ 18-18-00309, рук. В.Н. Давыдов).

В статье представлен мой личный опыт антрополога (в роли кочевого воспитателя), рассмотрен комплекс взаимодействий с людьми на стойбище и повседневных практик работы детского сада в тундре, а также предпринята попытка выявления соответствия двух концептуальных моделей – системы федеральных норм образовательного процесса и кочевого образа жизни оленеводов.

Проект «Кочевая школа» в Ямало-Ненецком автономном округе

Кочевая школа – общее название учебных заведений, открытых в разные периоды за последние 25 лет для детей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) в отдельных субъектах России: Амурской области, Ненецком автономном округе, Республике Саха (Якутия), Таймырском и Эвенкийском муниципальных районах Красноярского края, Чукотском автономном округе, Ямало-Ненецком автономном округе (Zhirkova 2006; Laptander 2013; Мамонтова 2013; и др.).

Название и идея этой формы обучения восходят к истории первых десятилетий советского просвещения на Севере – работе собственно кочевых школ, школ-передвижек, стойбищных школ, красных чумов (Базанов, Казанский 1939: 93). Современные кочевые школы, сначала открывшиеся в Якутии и Амурской области, изначально задумывались как альтернатива системе школ-интернатов, подвергшейся критике после распада СССР за тотальную русификацию с утратой традиционных знаний и травматический опыт для психики ребенка (Роббек 2007 и др.). Вместе с тем статус кочевых школ в настоящее время имеют не более 40 учреждений в России, а большинство детей из кочевых семей обучаются в школах-интернатах, остающихся для них единственной формой получения полного среднего образования.

На практике в каждом регионе кочевые школы представляют собой разнообразные формы организации обучения с уникальными характеристиками. Несмотря на противоречие в названии, большинство кочевых школ работает стационарно (хотя есть примеры и реально кочующих) как малокомплектные, но при этом поблизости от мест проживания родителей: на родовых угодьях, перевалочных базах, факториях (Терехина 2017).

Подобные учреждения могут реализовывать несколько ступеней обучения: от дошкольного до неполного среднего (9 классов). Таким образом, в отдельных случаях под термином «кочевая школа» на самом деле подразумевается кочевой детский сад (Там же). Так, в Ямало-Ненецком автономном округе развивается направление именно дошкольной подготовки. Из 22 окружных кочевых школ общее школьное образование круглый год предоставляет лишь одна кочевая школа

(близ фактории Лаборовая в Приуральском районе) и две сезонные, действующие в летние месяцы для оленеводов из Шурышкарского района и в сентябре – на стойбищах в Пуровском районе в период сбора ягод. Все остальные учреждения, представленные в региональном проекте «Кочевая школа», – кочевые детские сады, оказавшиеся наиболее актуальными для местных сообществ (Атлас 2017). Отсюда зачастую возникает неправильное понимание данной формы обучения у населения. Часто приходилось слышать от ямальских оленеводов: «какая же это кочевая школа, если она не кочует!?!», когда речь шла о школе на фактории, или «мы не хотим, чтобы к нам школа приехала – пусть лучше в интернате учатся» – в то время как на самом деле имелся в виду именно кочевой детский сад, а не школьное обучение (ПМА 2012(a)).

Следует остановиться на том, что ситуация в ЯНАО значительно выделяется на фоне других регионов Севера и Сибири, в которых с 1990-х гг. наблюдается упадок оленеводства. В округе более 15 тыс. человек ведут кочевой и полукочевой образ жизни (ненцы, ханты, коми, селькупы). Ученые отмечают высокую сохранность этнической культуры и родного языка у ненцев (Головнёв и др. 2013; Функ 2012), а сельское хозяйство, с момента распада СССР, переживает бум развития частного оленеводства, вышедшего даже на уровень угрожающего «перепроизводства» – деградировавшие (вытравленные) пастбища уже не могут прокормить все существующее поголовье. Именно Ямал фактически оказался образцовой моделью для Якутии, поскольку создание кочевых школ в республике несло идею «возрождения традиции», сохранения оленеводства коренных малочисленных народов путем «возвращения» полной семьи в тундру и тайгу и, вместе с тем, погружения поселковых детей в хозяйственные, культурные и языковые практики (Ventsel 2005: 103).

В настоящее время дошкольное образование стало неотъемлемой ступенью системы образования в России. Федеральный мониторинг, который проводится с первоклассниками в начале их обучения, включает тесты на действия по алгоритму, графический диктант, определение первого звука в слове и части, где педагог должен оценить готовность детей к школе по «чтению» и «письму» (Результаты... 2017). Дети, посещавшие детский сад, работающий по федеральным стандартам, в среднем обладают определенным набором знаний и навыков: рука подготовлена к письму, ребенок знает буквы, звуки и цифры, умеет считать и производить простые математические действия и многое другое.

Дети из семей ямальских оленеводов круглый год кочуют вместе с родителями и не посещают детские сады. В 7–8 лет они уезжают учиться в поселковые школы-интернаты. Ранее в Ямало-Ненецком автономном округе действовала ставшая уже традиционной система подготови-

тельных или так называемых нулевых классов. Дети из наиболее «кочующих» районов округа – Ямальского, Тазовского и Приуральского – в течение года проходили адаптацию к непривычным условиям школы-интерната и получали базовые навыки для дальнейшей учебы в первом классе. Невзирая на то, что тундровые семьи регулярно приезжают в поселок, чтобы закупить продукты и топливо, оформить документы на социальные выплаты или по состоянию здоровья, дети дошкольного возраста зачастую не покидают стойбища и знакомы с реалиями поселковой жизни лишь по рассказам и кадрам из фильмов. В связи с этим резкая перемена распорядка дня, окружающих условий, привычной одежды и пищи с приездом в интернат вызывает различные трудности в адаптации (Лярская 2003).

Кроме того, дети из ненецких семей Ямальского и Тазовского районов поступают в школы-интернаты практически монолингвами; они не владеют русским – языком будущего обучения. Именно за время «нулевого» класса ребенок должен был экстренно овладеть русским для дальнейшего обучения в школе. Однако подготовительные классы в той форме, в какой они существовали, в 2016/17 учебном году были отменены из-за несоответствия федеральному законодательству: для работы предшкольных групп школам-интернатам теперь необходимо получить лицензию на предоставление дошкольного образования и оборудовать жилые корпуса под нормы содержания детей дошкольного возраста, что, разумеется, требует времени и изменения районных бюджетов.

Параллельно с подготовительными классами в рамках проекта «Кочевая школа», стартовавшего в ЯНАО в 2011 г., было открыто несколько кочевых групп детских садов на стойбищах оленеводов и рыбаков¹. В кочевых группах занимается менее 10% детей дошкольного возраста. Из-за атомизированного расселения кочевников и преобладания частных оленеводческих хозяйств, живущих большую часть года 1–2 чумами, организовать группы для подавляющего большинства детей затруднительно.

Расширение сети кочевых детских садов в настоящее время – возможность частично подготовить к школе отдельных детей из тундровых семей. Таким образом, цели кочевого образования в наиболее «кочующих» районах ЯНАО принципиально отличаются от Якутии, поскольку направлены на подготовку к школе и, как следствие, на повышение качества образования в школе-интернате, а не на создание альтернативной формы обучения на той или иной ступени.

Организационные вопросы в поселке

Кочевая школа или детский сад в каждом конкретном случае – явление непостоянное: они имеют тенденцию быстро появляться и закры-

ваться, потому что дети выросли, учитель отказался преподавать или закончилось финансирование. Мне повезло наблюдать за работой двух кочевых учебных заведений на Таймыре: летней ненецкой кочевой школы на рыболовецкой точке Хинка в Носковской тундре (ПМА 2012(б)) и долганской кочевой школы-детского сада в Хатангском районе (ПМА 2013). В обоих случаях я посещала уроки, общалась со всеми участниками образовательного процесса (учителями, детьми, родителями, чиновниками), снимала занятия на видеокамеру, жила в чуме одной из воспитанниц и в балке учительницы (Терехина 2017). Когда же возникла перспектива длительной экспедиции на Ямал, я решила посмотреть на новые аспекты феномена кочевого образования с ракурса воспитателя детского сада. Нельзя не отметить, что моими планами заинтересовался департамент образования ЯНАО, которому особенно важны были подробные описания педагогической практики и выводы от внешних специалистов для дальнейшего развития проекта «Кочевая школа» в округе.

В поисках аналогий и сравнения опыта я обращалась к текстам Александры Лаврилье, параллельно с полевыми исследованиями занимавшейся организацией эвенкийской кочевой школы в Амурской области и работавшей в ней учителем в течение нескольких лет (Lavrillier 2013). В описанном Лаврилье случае кочевая школа-детский сад с обучением до пятого класса была открыта в 2006 г. как структурное подразделение школы-интерната в с. Усть-Нюкжа Тындинского района. Мне были понятны размышления французского антрополога об этических вопросах такого рода прикладной антропологии. Проживая в чуме с ненецкой семьей в течение года, мы старались минимально нарушать общий ритм жизни сообщества, однако, безусловно, это невозможно, несмотря на все усилия влиться в хозяйственную и культурную системы оленеводов. В этом смысле кочевой детский сад как раз мог стать совершенно инородным телом на стойбище, чего я весьма опасалась. Тем не менее члены нашей кочевой семьи и потенциальные соседи дали свои уверенные согласия на организацию детского сада с положительной оценкой его будущей работы для их детей.

Стоит заметить, что взгляд на взаимодействие всех акторов при открытии нового кочевого детского сада делает более понятной специфику организации кочевого образования на Ямале. Дело в том, что у самих ямальских оленеводов, как уже было сказано выше, запроса на появление кочевых школ и детских садов не возникает. Исключением можно было бы назвать школу ненецкой писательницы А.П. Неркаги рядом с факторией Лаборовая, но инициатором оформления начальной школы со статусом «кочевой» была именно писательница, а не кочующие в тех местах тундровики. Предписания к расширению кочевого образования исходят из окружной столицы в муниципалитеты, где ор-

ганизация конкретных кочевых групп ложится на плечи заведующих детских садов или директоров школ, с которых позже и требуют отчет о проделанной работе. Они, в свою очередь, ищут семьи, где можно было бы открыть группу, и педагогические кадры. Из-за отсутствия подробной информации и упорного использования термина «кочевая школа» властями и СМИ тундровики часто негативно воспринимают перспективы организации какого-либо обучения на их стойбищах.

Таким образом, инициатива создания новой формы образования на Ямале в целом и в конкретном случае в Амурской области имеет разные источники. По словам Лаврилье, эвенки на протяжении нескольких лет выражали потребность в организации кочевой школы и просили ученого поддержать их в этом для сохранения родного языка, навыков ведения традиционного хозяйства и возможности маленьким детям находиться рядом с родителями (Lavrillier 2013).

Наш кочевой детский сад был оформлен совершенно официально, чтобы проследить все административные процедуры, которые проходит кочевой воспитатель. Он открылся 1 апреля 2015 г. как «филиал» детского сада «Солнышко», расположенного в районном центре – Яр-Сале. На тот момент в поселковом детском саду уже работали три кочевые группы.

В каждом муниципалитете существуют свои нюансы штатного расписания. В Ямальском районе на содержание кочевой группы детского сада полагается 1,5 ставки: 0,5 – воспитателя, 0,5 – помощника воспитателя, 0,5 – истопника. Неполнота ставок обусловлена тем, что кочевые группы формально являются группами кратковременного пребывания, присмотра и ухода, т.е. должны работать лишь 3 часа в день. Более длительное пребывание детей в детском саду требует организации питания со всеми вытекающими санитарными нормами, невозможными для исполнения в условиях кочевья.

Все принципиальные вопросы на подготовительном этапе мы обсуждали с нашими хозяевами – семьей Сэротэтто, в которой нам предстояло жить и чьи дети должны были составить основу группы. Мы посчитали справедливым распределить ставки в семье и трудоустроить наших молодых хозяев: Константина – истопником, Альбину – помощником воспитателя. Трудности возникли из-за незаконченного школьного образования обоих (хозяин бросил школу после подготовительного и первого классов, хозяйка – после пятого) и требования оформить медицинскую книжку (Костя не мог себе позволить оставить стадо надолго, чтобы сделать обход врачей). После обсуждения ситуации с заведующей «Солнышком» было решено устроить на должность помощника и истопника одну Альбину, планомерно сходявшую ко всем врачам, с условием, что она поступит в вечернюю школу. Поскольку предполагалось, что наша кочевая группа будет работать только в тече-

ние экспедиции, все стороны понимали, что последнее условие вероятнее всего останется невыполненным.

Я тоже прошла медицинское обследование и получила в своей трудовой книжке новую запись – «воспитатель кочевой группы кратковременного пребывания», а также ежемесячный оклад на полставки воспитателя в размере около 9 тыс. руб. с вычетом налога. Заведующая передала мне пакет документов, включающий предполагаемое расписание занятий, программу и должностные инструкции. Мы обменялись телефонами и расстались на полгода – до следующего нашего приезда в поселок.

Кочевая группа у «мордындеров»

Наш кочевой детский сад сразу окрестили «экспериментальным», поскольку он работал в семьях оленеводов-частников («личников»). Действующие круглогодичные группы, открытые в бригадах муниципального оленеводческого предприятия (или «совхозе») ярсалинской тундры Ямальского района, имеют ряд организационных преимуществ: устойчивый состав детей в течение года – в бригаде несколько семей постоянно кочуют вместе; регулярную связь с районным центром; следование устойчивым маршрутом по графику, что теоретически дает больше возможностей для контроля образовательной деятельности.

По правилам открыть кочевой детский сад можно, если в группе набирается не менее пяти дошкольников. Семьи «личников» только в летние месяцы объединяются по несколько чумов для удобства окармливания оленей. Расстояния между ближайшими стойбищами зимой могут составлять десятки километров, в виду чего количество воспитанников в течение года будет серьезно колебаться. Кроме того, состав подобных летних объединений может меняться год от года в зависимости от характера взаимоотношений людей или скорости прохождения маршрута. Эта вариативность также создает некоторые трудности при организации кочевого образования – нельзя с точностью спланировать состав детей в конкретном сообществе частников. Мы изначально понимали эти особенности и ставили задачу в течение года проследить, как будет зависеть работа кочевой группы от маршрута *касания* (кочевания), времени объединения и разделения семей и других факторов, определяющих хозяйственную жизнь частников.

Группа семей, к которым относятся наши хозяева, именуется «мордындер» (нен. *морды' тер''* – жители Мордыяхи), так как их летние пастбища расположены в нижнем течении реки Мордыяха. Маршруты их касаний находятся в непосредственной близости к промышленным объектам так называемого левого Севера полуострова Ямал: газпромовской железной дороге Обская–Карская, веткам газопровода

Бованенково–Ухта, рабочим поселкам Ленгазспецстрой (на данный момент уже закрыт) и Бованенково. В зимний период мордындеры, по сравнению с другими оленеводами ярсалинской тундры, стоят «далеко на севере», за 250–400 км к северу от районного центра.

Семью Сэротэтто, с которой нам посчастливилось жить в течение года, в какой-то степени можно назвать «классической» современной ненецкой семьей: муж с женой немного старше тридцати, шестеро их детей (на момент начала экспедиции – от 3 до 12 лет), пожилые родители хозяина. После сильного гололеда и последовавшего падежа 2013–2014 гг. личное стадо семьи сократилось почти вдвое и теперь насчитывает около 300 голов – чуть ниже среднего достатка по меркам ярсалинской тундры. Во время нашего поля старики вместе со старшим сыном оставались на лето «сидячим» чумом ловить рыбу недалеко от зимних пастбищ на реке Юрибей. Расставшись в конце апреля, мы объединились лишь в декабре. Из шестерых детей на тот момент трое обучались в школе-интернате, но уже в апреле, после празднования Дня оленевода, родители привезли их из поселка домой. Трое дошкольников стали основными воспитанниками детского сада, осенью их осталось двое. Один из мальчиков в сентябре пошел в школу, поэтому в отношении него у меня была особая задача, согласованная с родителями, – подготовить к будущей учебе в первом классе, минуя еще существовавший тогда «нулевой».

В середине мая мы объединились с двумя соседними семьями, в июле к общему стойбищу «прикочевал» еще один чум. Во второй декаде августа семья Сэротэтто отделила своих оленей и последовала по маршруту отдельно. С мая по август в моей кочевой группе занималось восемь детей из трех чумов. Однако не только малыши проявляли интерес к работе детского сада: приехавшие на летние каникулы школьники разных возрастов регулярно подключались к занятиям и играм.

Кочевые группы детского сада всегда имеют малую наполняемость – от 5 до 15 человек (фото 1). Самая большая группа в последние годы работает на фактории Юрибей Тазовского района: формально в детском саду числится более 20 детей окрестных рыбаков, фактически на занятиях каждый день бывает 10–15 воспитанников (ПМА 2017). Другая особенность – разновозрастный состав кочевых групп. Воспитателю нужно организовывать деятельность для детей от 3 до 7 лет с разным уровнем владения родным и русским языками, что принципиально отличает детский сад в тундре от стандартного поселкового или городского дошкольного учреждения, где дети разделены на группы по возрасту с соответствующей разницей в воспитательных и познавательных программах. Здесь мне бы не хотелось останавливаться на педагогических подробностях учебного процесса, но отмечу, что одновременная работа с трехлетними и шестилетними детьми поначалу вызывает

определенные сложности. Кроме того, в этом районе Ямала кочевому воспитателю необходимо знание ненецкого языка, потому я старалась вести занятия на родном для детей языке, постепенно включая в оборот русские слова. Надо признаться, что процесс обучения был взаимным – за год дети существенно повлияли на мой уровень ненецкого. Также, при необходимости, мне помогали школьники и хозяйка.

Фото. 1. С кочевой группой детского сада. Ярсалинская тундра Ямальского района ЯНАО, июль 2015 г. Фотография А.И. Волковицкого

Детский сад без стен: новая материальность стойбища

По словам ненецких хозяек, длительная стоянка на одном месте доставляет дискомфорт, а домашний уют определяется красиво установленным чумом на новой, «свежей» земле. Но как же быть, если постоянно должен перекочевывать детский сад? У городских жителей, как и у тундровиков, есть комплекс представлений о том, что собой должна представлять школа: как она выглядит внутри и снаружи, по какому графику работает, как ведут себя учителя и воспитатели. Возможно, несоответствие образу «настоящей» школы и вызывает чувство бурного противоречия в отношении кочевое школьного обучения у ямальских оленеводов. С детскими садами ситуация иная, ведь в отличие от школ-интернатов, через которые прошли все современные родители, устройство дошкольных учреждений им неизвестно.

Стационарные кочевые школы, которых, повторюсь, большинство, располагаются в деревянных срубах или в специально возводимых мо-

дулях (постоянных и временных). Реально кочующим школам и детским садам необходимо мобильное сооружение, подходящее для характера жизни оленеводов. Например, в эвенкийской школе Амурской области занятия проводились в брезентовой палатке (Lavillier 2013). Я наблюдала пример долганской кочевой школы-детского сада на Таймыре, располагавшейся в специальном балке, оборудованном изнутри как миниатюрный класс: с партами, меловой доской, развешанными по стенам таблицами, правилами и рисунками учеников (Терехина 2017).

Ямальские оленеводы, привыкшие к минимализму в быту, возят с собой только самые необходимые вещи, так и я во время подготовки старалась взять оптимальный «годовой набор воспитателя». Никакого отдельного помещения для кочевой группы (палатки или чума) по тем же причинам у нас не было. После того как мы расстались со стариками, одна половина чума стала считаться нашей с Александром: я полностью отвечала за нее как хозяйка и на стоянках, и во время перекочевков.

Специальная мебель также отсутствовала. Во время занятий использовались два низких ненецких столика. Часть детей устраивалась на «постели» (так в чуме называются расположенные по двум сторонам от входа настилы из циновок, поролоновых матрасов, в последние годы получивших распространение в тундре, и оленьих шкур поверх), другие сидели вокруг столов на пенопластовых сидушках. Порой, когда мы с ребятами увлеченно рисовали или выводили в прописях палочки, мне представлялась комиссия по соблюдению санитарных норм, падающая в обморок при виде этой кочевой обстановки.

В теплую летнюю погоду без дождя, полчищ комаров или сильного ветра, мы выносили столы и необходимые принадлежности на улицу, что позволяло быть более независимыми от происходящего в чуме. Наши занятия тут же привлекали всеобщее внимание, однако взрослые всегда были тактичны: наблюдали издали или будто невзначай проходили мимо, не вмешиваясь в воспитательный процесс, и только самый пожилой и авторитетный оленевод стойбища периодически садился рядом понаблюдать за внуком и другими детьми (фото 2).

Для полевой работы мы приобрели пять нарт разного назначения – ездовые и грузовые. Учебные пособия, канцелярские принадлежности, развивающие игры и спортивный инвентарь, запасенные на длительный срок, хозяева предложили сложить в отдельную грузовую нарту. Все так и стали ее называть – «учебная нарта» или «нарта с книжками». Весной и летом ямальские оленеводы тщательно выверяют вес нарт: он не должен превышать 100 кг, так как олени в этот период сильно худеют. Весной ненцы специально переходят на летние нарты – меньшего размера и старые, так как давно высохшее дерево гораздо легче. На пути каления кочевники оставляют в массивных зимних нартах меховые *нюки* (покрытия чума), зимнюю одежду, часть продуктов, различные

вещи. Любой дополнительный груз при укладывании летних нарт считается нежелательным, поэтому оленеводы и не возят с собой ничего лишнего. Несколько раз у нас возникали споры с хозяйкой из-за той или иной вещи в наших нартах, которая ей казалась избыточной. Зная, что наши хозяева могут беспощадно ликвидировать всякую «лишнюю» тяжесть (книжки, игры и пособия), мы волновались по поводу того, как будем улаживать ситуацию со всем этим скарбом, но проблема решилась сама собой – к счастью, все жители стойбища серьезно и с любопытством отнеслись к работе детского сада.

Фото. 2. Летние занятия на улице. Ярсалинская тундра Ямальского района ЯНАО, июль 2015 г. Фотография А.И. Волковицкого

Содержимому «учебной» нарты мог бы позавидовать любой городской ребенок: карандаши, фломастеры, ручки, краски, пластилин, цветная бумага, пазлы, кубики, мячи, детские книжки и многое другое (фото 3). На стоянках хозяйки заносят в чум только самое необходимое, чтобы «не захламлять» жилище. Если что-то вдруг понадобится, они достают вещи из грузовых нарт *вандако*. Через несколько дней после начала работы детского сада стало понятно, что самое необходимое для занятий лучше иметь всегда под рукой, чтобы не лезть каждый раз в «учебную» нарту. Раскрыть, а потом запаковать и перевязать крепко и красиво *вандако*, а это является визитной карточкой тундровой хозяйки, – дело не пяти минут, поэтому минимальный комплект для занятий я решила всегда хранить в чуме в большой сумке. Во время календия я

убирала сумку в *юхуна* – грузовую нарту, в которой перевозят постельные принадлежности и вещи первой необходимости (одежду, заготовки для шитья и пр.). Когда семья приходит на новую стоянку, содержимое юхуны полностью заносится в жилище, поэтому и у учебных принадлежностей появилось свое место в чуме на нашей половине, чтобы их можно было быстро достать в любой момент.

Фото. 3. Уроки рисования в зимнем чуме. Ярсалинская тундра Ямальского района ЯНАО, февраль 2016 г. Фотография А.И. Волковицкого

Педагогические сезоны: календарь и рабочая неделя

Длительное поле с тесным проживанием в коллективе, где антропологу необходимо участвовать практически во всех хозяйственных делах, с одной стороны, дает совершенно иную глубину понимания культурных практик данного сообщества, с другой – накладывает отпечаток на концентрацию исследовательского внимания. Наша загруженность повседневной работой часто мешала заниматься своими научными задачами, не оставляла свободного момента для рефлексии. Примерно через полгода мы поймали себя на психологическом сдвиге, когда начали воспринимать хозяйственные дела как первостепенные, поскольку они обеспечивали нормальное существование ненецкой семьи, частью которой мы считались. Спасало то, что мы могли делиться наблюдениями друг с другом, обсуждать их, дискутировать, стараясь сохранить цепкий ум и противодействовать интеллектуальной лени.

К тому же «свежесть» взгляду придавало четкое разделение в тундре гендерных ролей и опыта, которым мы обменивались между собой.

Осмысление полевых материалов и последующее написание этого текста реализовывались преимущественно в жанре автоэтнографии (Соколовский 2010). Ранее я наблюдала за кочевыми учителями и их воспитанниками со стороны, брала интервью, пыталась понять мотивации разных заинтересованных сторон. В роли воспитателя мне нужно было постоянно задавать вопросы самой себе, фокусироваться на собственных эмоциях, ощущениях, впечатлениях. Я опасалась, что мне не хватит осознанности как навыка непрерывного присутствия во всем, что происходит вокруг и внутри, и умения разделять рефлексивную антрополога и педагога.

Планируя экспедицию, мы изначально задались целью понять, совместимо ли дошкольное образование и вообще какие-либо учебные занятия с ритмом кочевий в тундре. Конечно, я видела кочевую школу на стойбище у долган, но в зимний период, когда она там работала, перекочевки происходили редко, как и у ямальских ненцев. Однако в летние месяцы ярсалинские оленеводы кочуют каждые два-пять дней. Для нас принципиально было не нарушать график хозяйственных работ и традиционный распорядок дня, поэтому мы стремились построить детский сад в кочевую «систему жизни», как любил выражаться наш сосед по стойбищу, чтобы ответить для себя, родителей и чиновников на вопрос, насколько кочевой детский сад может быть кочевым в буквальном смысле.

Такая установка сформировалась в том числе благодаря полевой работе 2012 г. на рыболовецкой точке Хинка, в районе поселка Носок на Таймыре, где я в течение месяца наблюдала за работой ненецкой стационарной кочевой школы. На берегу Енисея в летний период проживают рыбаки, пенсионеры, а с ними довольно много детей. В сезонной школе учителя готовили дошкольников к первому классу, а студенты из Дудинского многопрофильного колледжа проходили практику, ликвидируя учебные пробелы у детей школьного возраста. График работы кочевой школы был составлен без учета особенностей распорядка дня жителей рыболовецкой точки в период полярного дня с их бодрствованием далеко за полночь и поздними подъемами, что доставляло постоянные неудобства и взрослым, и детям (Терехина 2017). Несмотря на то, что школа в Хинке стояла на одном месте, я старалась учесть этот опыт в ямальской тундре.

Государственная система образования имеет устойчивые ассоциации с тотальным формализмом и растущей бюрократизацией. Дошкольное образование, определяемое в российском законодательстве как первый уровень общего образования (Федеральный закон 2012), аналогично другим ступеням, связано со строгим исполнением правил,

регламентированных федеральным стандартом. Помимо непосредственной работы с детьми, воспитателям детских садов с каждым годом требуется заполнять все больше различной документации. Оценка их профессиональной деятельности зачастую также имеет формальный характер: например, одним из плановых показателей являются «детодни» – расчет, сколько детей находилось в детском саду в определенный период времени.

Устраиваясь кочевым воспитателем, я понимала, что мне нужно будет предоставлять отчеты о работе группы в поселковый детский сад. Правда, заведующая успокоила, показав весьма скромные отчеты воспитательниц-чумработниц, написанные от руки в тетрадах.

Еще один ряд представлений, связанный с образовательными учреждениями – проявление властных отношений между акторами, контроль и дисциплина (Фуко 1999: 212–216; 2005: 183, 188; Соколовский 2001). Под давлением оказывается не только воспитанник, но и педагог перед своим начальством и многочисленными проверками. В эпоху фрилансерства, дистанционного обучения и прочих неконтактных форм взаимодействия, у большинства из нас, тем не менее, постоянное трудоустройство ассоциируется с четким графиком, рабочими и выходными днями, перерывами на обед, выговорами за опоздания, прогулами, больничными, отпусками и т.д. Сначала я переживала, что далеко не каждый день из положенной пятидневки могу заниматься с детьми. Очередная перекочевка или перегон стада на новое место не связаны со сменой выходных и будней и даже временем дня и ночи, особенно летом, когда солнце не садится за горизонт. В связи с этим и я не пыталась соответствовать рабочей неделе детского сада, двум законным выходным и праздничным дням, а проводила занятия во все дни, когда это возможно было сделать.

Выходными для нашего детского сада становились дни касланий – в такие моменты все жители стойбища были задействованы в подготовке к перекочевке и последующем обустройстве на новом месте. К слову, за год работы детского сада мы кочевали 56 раз по маршруту общей протяженностью около 500 км. К этой цифре следует прибавить дни, посвященные хозяйственным делам: заготовке дров, выделке шкур, разбору нарт, переустановке чума. Многие дни естественным образом выделялись для бытовых дел. Если стояла жаркая погода, я откладывала занятия, чтобы, как и все хозяйки, затеять стирку. В семье оленеводов-частников рабочих рук мало, поэтому на нас всегда рассчитывали, а мы в свою очередь стремились не подвести своих хозяев. В ситуациях хозяйственных «авралов» приоритетом становилось не проведение занятий детского сада, а обеспечение благополучной жизни нашей семьи и стада. Иными словами, в такие моменты оленеводы внутри нас побеждали воспитателей, что было неизбежно.

В итоге оказалось, кочевая группа в течение года не работала лишь 110 дней, что практически соответствует федеральным стандартам: по данным производственного календаря России, в году в среднем насчитывается 118 нерабочих дней (выходных и праздников) (Производственный календарь 2015).

График работы детского сада был полностью обусловлен распорядком дня оленеводов. На объединенном стойбище я собирала детей всегда в разное время. После летнего ночного каслания, отбоя в 6.00 и подъема в 15.00 мы могли начать занятия и в 17.00, и в 22.00. Строгое городское расписание нам совсем не подходило: и я, и дети, и родители быстро к этому привыкли. Никакого контроля со стороны поселкового детского сада не исходило, тем более, что сделать это было бы затруднительно из-за отсутствия мобильной связи на большей части маршрута. Мы занимались в нашем чуме, поэтому часы работы кочевой группы в значительной степени зависели от обстановки в жилище. Чтобы значительно не нарушать ритм жизни членов семьи, мне каждый раз приходилось выгадывать такой промежуток времени, когда в чуме было относительно спокойно: не дымил костер (летом ненцы готовят на открытом огне); не пришел со смены дежурный, которому нужно сразу варить чай и ставить стол; не приехали гости из другого стойбища.

Для полноты картины следует указать на два обстоятельства, затруднявших полноценную работу кочевой группы в период с октября по февраль: темнота и холод. С ноября на этой широте световой день значительно сокращается. В этот период даже в дневное время внутри чума темно. Ненцы зажигают одну или две керосиновые лампы, которые горят целый день, но полностью осветить чум можно только включив электрические лампочки, для чего требуется заводить генератор. Бензин ямальские тундровики достают с трудом и, как правило, по завышенным ценам, поэтому стараются его экономить. Осенью наша семья, как и все соседи, испытывала большие трудности с топливом, поэтому генератор заводили два-три раза в неделю и для того лишь, чтобы зарядить телефоны и нашу технику. В этот период я не могла заниматься с детьми письмом или рисованием, чтобы не испортить им зрение. Приходилось делать упор на развитие речи и физику.

Под светом керосинки мне вспоминались записки советских просветителей, работавших в кочевых школах 1930-х гг. Например, учитель Ф.Е. Еланцев, преподававший в летнее время на Чукотке, описывал свою школу в чуме (несмотря на то, что население проживало в ярангах), обтянутом тонкой парусиной, пропускающей солнечный свет – основной источник освещения, кроме костра. Ученики сидели на оленьих шкурах, держа фанерные доски – заменители парт. С наступлением холодов школа сворачивала деятельность, поскольку в чуме невоз-

можно было заниматься – сквозь зимнюю меховую покрывку жилища совсем не проникали лучи света (Базанов, Казанский 1939: 96).

Ямальские оленеводы зимой традиционно используют в качестве дров кусты полярной ивы (тальника). По окружной программе поддержки тундрового населения на некоторые фактории и станции промышленной железной дороги Обская–Карская завозятся бревна, чтобы в зимний период оленеводы могли вывозить их на свои стойбища, хотя далеко не все семьи зимуют рядом с «казенными» дровами. Зимние пастбища семьи Сэротэтто располагались в 20 км от станции Юрибей, откуда с середины декабря до апреля 2016 г. мужчины возили бревна на снегоходе. В эти месяцы в чуме всегда было натоплено, обстановка не требовала серьезной экономии дров, тогда как осенью, во время частых перекочевок с летних пастбищ на зимние, печку топили гораздо реже и только тальником. В поисках кустарника нужно было ехать на нартах за несколько километров от стойбища (до оставленного на лето снегохода мы тогда еще не добрались), поэтому дрова требовалось беречь. Температура в чуме периодически опускалась ниже ноля, что затрудняло какие-либо занятия с детьми, кроме активных игр.

Кочевой воспитатель и родители

Наиболее существенная проблема при организации кочевых дошкольных групп, озвученная заведующими детскими садами и чиновниками из районных управлений образования, – отсутствие педагогических кадров для работы в тундре. Это же отмечает и Александра Лаврилье в целом для ситуации с кочевыми школами в Сибири (Lavrillier 2013). При посещении кочевых детских садов Ямало-Ненецкого автономного округа нам встретились несколько типажей воспитателей: а) хозяйка чума на стойбище оленеводов – в основном только с общим средним образованием, иногда – со средне-специальным (не обязательно педагогическим); б) хозяйка – родственница рыбака на сезонной рыболовецкой точке, как правило, со средне-специальным педагогическим образованием, сотрудница поселкового детского сада или школы; в) внешний педагог, специально приехавший в сообщество для работы в группе, со средне-специальным или высшим педагогическим образованием.

Разные типажы соответствуют и режиму работы кочевых детских садов: круглогодичному или сезонному, последних – большинство. В летние месяцы сотрудники школ и детских садов из числа коренного населения зачастую сами выезжают к родственникам в тундру и могут согласиться поработать кочевыми воспитателями. Внешние педагоги – редкость, особенно в круглогодичных детских садах. Я познакомилась лишь с двумя такими педагогами, причем оба они – мужчины-ненцы

(что в целом нехарактерно в дошкольной педагогике) пенсионного возраста, круглый год проводящие занятия в семьях, где у них нет близких родственников.

Я спрашивала мнение всех родителей на нашем стойбище о том, каким должен быть кочевой воспитатель. Мнения сошлись, что лучше, чтобы это был внешний человек. Слухи по тундре распространяются быстро, поэтому работающих в совхозных бригадах воспитателями чумработниц, безусловно, обсуждают широко. Большинство оленеводов скептически оценивает их трудоустройство, считая, что у хозяйки нет времени на занятия с детьми, а значит, они «просто так получают зарплату». Наблюдая объем работы тундровых женщин, я и сама начала разделять этот скепсис. Заведующая одним из ямальских детских садов рассказывала, как женщины из бригады, где работала кочевая группа, приходили жаловаться к ней на плохую работу воспитателем своей соседки по стойбищу. По словам самих воспитателей и рядовых жителей стойбищ, «свой» человек вызывает известную зависть, ведь он начинает получать зарплату, при этом, в глазах людей, он «не делает ничего особенного» и, тем более, даже не имеет специального образования.

На одном из стационарных летних стойбищ, где в 2017 г. работала сезонная кочевая группа, когда мы приехали туда, график занятий еще не был настроен, хотя формально группа уже работала. Воспитательница, молодая хозяйка одного из чумов, столкнулась с коммуникативными сложностями с соседями, когда ей было трудно убедить всех родителей приводить или отпускать к ней в чум своих детей. До этого воспитательница, не имевшая специального образования, была рядовым членом этого сообщества, теперь же она вдруг оказалась в иной роли, наделенной полномочиями и символической властью. Только когда мы, сторонние люди, помогли хозяйке в организации занятий, родители с легкостью пошли навстречу (ПМА 2017).

Таким образом, внешний человек пользуется заведомо большим авторитетом, в том числе в связи с наличием образования. Однако ему сложнее освоиться в новых условиях и организовать свой быт: нужно где-то жить, питаться, на чем-то перемещаться. На стационарном стойбище эта задача решается гораздо проще, чем в условиях кочевого быта.

На Ямале существует программа подготовки старшеклассников (группа набирается по желанию школьников), которые во время каникул занимаются в тундре со своими младшими братьями и сестрами. В департаменте образования ЯНАО обсуждаются вопросы привлечения студентов для летней практики кочевыми воспитателями и расширения числа кочевых воспитателей с образованием. Существенную роль в кадровом вопросе играет финансовая составляющая. По ямальскому законодательству, сотрудникам кочевых школ, помимо «северных», положен повышающий коэффициент за разъездной характер работы, на

чем делается акцент во всех презентациях. В данный момент такая надбавка начисляется только кочевым учителям общего школьного образования, как и прописано в законе, в котором ничего не сказано о воспитателях дошкольных учреждений, так как изначально проект «Кочевая школа» предполагал развитие школьного образования. Если для чумработницы зарплата в 15–20 тыс. руб. в месяц составляет приличный довесок к общему доходу семьи, то привлечь людей со стороны за такие деньги на Ямале практически невозможно.

После того как взрослые, особенно женщины, на нашем стойбище сошлись во мнении, что лучше, чтобы воспитателем работал приезжий педагог, мы обсуждали, готовы ли они пустить его жить в свой чум на время работы кочевой группы, будут ли помогать ему в быту и вообще, какими TundraSkills он должен обладать². Главным запросом на «профпригодность» воспитателя было знание «как жить в тундре», в которое входило: умение ездить на нарте и управлять оленями, приспособленность к кочевому быту, понимание хозяйства оленеводов, знание традиций.

В связи с устойчивой феминизацией сферы образования в России, кочевой педагог, как и учитель в школе-интернате, также представляется тундровикам скорее в образе женщины. В ненецком языке в советское время появилось устойчивое слово, обозначающее учительницу *луцане*, что буквально переводится как «русская женщина», поэтому под знаменем традиций в первую очередь понимается исполнение комплекса женских запретов (подробно об этом см.: Хомич 1995: 195–196; Лярская 2003; Харючи 2001: 126–127, 131–137, 155–158; и др.). В ненецкой культуре существует комплекс представлений, связанных с женской сакральной нечистотой. Женщине с наступлением фертильного возраста нельзя перешагивать через вещи (особенно связанные с оленеводством), наступать на постели в чуме, она должна хранить свою обувь, брюки и белье в отдельном «мешочке», перевозить его во время перекочевков на «поганой» нарте *сябу* и строго исполнять ряд других предписаний. Считается, что от соблюдения этих правил зависит благополучие стада и членов семьи.

Оленеводы сошлись на том, что помогать приезжему воспитателю они готовы, но педагог не должен быть обузой в условиях кочевого ритма, особенно летнего. Кроме этого, воспитателю не обойтись без знания ненецкого языка. Учитывая все перечисленные пожелания, на роль кочевого воспитателя, по мнению родителей, подходят педагоги-неницы – выходцы из тундровой среды. Хорошо, если они будут родственниками кого-то из семей на стойбище, чтобы без дискомфорта жить в их чуме.

Заключение

Как показал мой опыт, кочевой детский сад может представлять собой компромисс между государственной системой образования с ее учебными дисциплинами, готовящими к школе, и жизнью на стойбище, не ориентированной на жесткий график, рабочую неделю и федеральные санитарные нормы. Функционирование детского сада в семьях оленеводов является своего рода моделью возможного взаимодействия «городской» и «тундровой» культур, их ценностей, представлений. Модератором этого взаимодействия становится воспитатель, которому необходимо выстраивать связи между людьми и регулярно доказывать родителям значимость дошкольного образования. В кочующем сообществе успешная работа кочевой группы в полной мере обусловлена слаженной совместной деятельностью с семьями. Если описать роль родителей в «казенной» терминологии, то от них напрямую зависят и производственное помещение (чум), и средства передвижения (нарты, олени), и расписание занятий (график касланий и стоянок). Таким образом, кочевой детский сад на стойбище концептуально мог бы быть площадкой для отказа от – как бы обидно это не звучало – колониальных подходов, сохраняющихся в сфере образования КМНС, не рассматривающих тундровых родителей в ракурсе партнерских отношений.

Вместе с тем в настоящее время организация кочевых детских садов на Ямале не имеет системного подхода, требующего учитывать все технические и культурные нюансы, а также тщательно подбирать и готовить воспитателей, гарантируя им достойную заработную плату. Даже если представить ситуацию идеального администрирования, как уже было сказано, охватить всех детей-тундровиков кочевым дошкольным образованием невозможно.

Оленеводы воспринимают образование как важный ресурс, определяющий успешность реализации их детей в поселке и городе. Однако этот взгляд пока имеет декларативный характер, поскольку у многих тундровиков не сформировалось понимание роли родителей в образовательном процессе. Тем не менее, когда в школах-интернатах были отменены подготовительные классы, родители, как и педагоги, отреагировали на это негативно из-за предстоящих трудностей прохождения учебной программы детьми.

По мнению опытных учителей, ученик без подготовки и владения русским языком не может успешно ее освоить. При отсутствии «нулевых» классов, других форм занятий или использования родного языка в качестве языка обучения таким неподготовленным первоклассником становится тундровой ребенок, что делает его стартовые возможности гораздо ниже по сравнению с поселковыми детьми, посещавшими детский сад. Следствием отсутствия необходимой подготовки может стать

отставание в начальной школе, замедленное усвоение учебных программ. Это в ряде случаев ведет к оставлению на второй год и / или к переводу в коррекционные классы, что делает практически невозможным продолжение учебы после школы. Здесь можно было бы порассуждать о том, нужна ли вообще федеральная система образования детям оленеводов (в такой форме или в таком объеме), но следует учесть, что, несмотря на довольно значительный приток молодых людей в традиционные сферы хозяйства на Ямале, бóльшая их часть выбирает жизнь в населенных пунктах, где им приходится вступать в конкуренцию по «городским правилам».

Наконец, хочется обратить внимание на связь эффективности системы образования с кризисом ямальского оленеводства, хотя подробные размышления на эту тему и невозможно уместить в данной статье. Уровень образования является важным косвенным фактором регуляции современных проблем перевыпаса, которые, по моему убеждению, имеют демографические корни. По словам самих кочевников, «чумов стало слишком много», таким образом, во главу угла следует ставить не излишнее поголовье, а перенаселение тундры, сложившееся за последние десятилетия, где для поддержания семьи требуется определенное количество оленей. Зачастую, в условиях нехватки пастбищ, оленеводы хотят, чтобы ведение традиционного хозяйства выбрали один-два наследника, а остальные устроились в поселковой среде, потому что тундра не может прокормить всех. При этом мне известны случаи, когда по причине слабой учебы или травли дети бросают школу и уговаривают родителей оставить их жить в тундре. Другой корпус историй связан с проблемами получения средне-специального или высшего образования и дальнейшего трудоустройства, что вынуждает молодежь возвращаться в тундру не по сознательному выбору, а от безысходности. Следовательно, качество образования и успешная социализация становятся залогом выбора жизненной стратегии молодых людей и оттока населения из тундры.

Примечания

¹ В тексте для этой формы дошкольного образования используется несколько общепринятых синонимов: кочевая группа детского сада, кочевой детский сад, дошкольная кочевая группа, кочевая группа. Кочевые группы действуют в сезонном (как правило, летнем) и круглогодичном режимах.

² Аллюзия на WorldSkills International (WSI) – международную ассоциацию, целью которой является повышение статуса и стандартов профессиональной подготовки, популяризация рабочих профессий через проведение международных соревнований по всему миру, а также ArcticSkills – конкурс между представителями арктических регионов, в рамках которого проводятся соревнования по навыкам оленеводства (Движение...).

Литература

- Аветисян Р. Малые народы Арктики смогут обучаться в специальных «кочевых школах» // LIFE. Образование. 13 марта 2017. URL: <https://life.ru> (дата обращения: 15.06.2018).
- Атлас кочевого образования. Салехард, 2017.
- Базанов А.Г., Казанский Н.Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939. Вып. 15.
- Головнёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014.
- Движение Worldskills. URL: <https://worldskills.ru> (дата обращения: 25.08.2018).
- Лярская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 70–91.
- ПМА 2012(а) – Полевые материалы автора, 2012. Экспедиция в Носковскую тундру Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района.
- ПМА 2012(б) – Полевые материалы автора, 2012. Ямальский район, Ямало-Ненецкий автономный округ.
- ПМА 2013 – Полевые материалы автора, 2013. Экспедиция в Хатангский р-н Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района.
- ПМА 2015–2016 – Полевые материалы автора, 2015–2016 гг. Экспедиция в Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа.
- ПМА 2017 – Полевые материалы автора, 2017 г. Экспедиция в Надымский, Приуральский, Тазовский, Ямальский районы Ямало-Ненецкого автономного округа.
- Производственный календарь 2015. URL: <http://calendar.yoip.ru/work/2015-proizvodstvennyj-calendar.html> (дата обращения: 11.07.2018).
- Результаты исследования готовности первоклассников к обучению в школе в Ямало-Ненецком автономном округе в 2017 году. Аналитический отчет. Центр оценки качества образования Института стратегии развития образования РАО. Москва, 2017 г. URL: http://norishkola.ucoz.ru/akt/otchet_janao_gotovnost_2017_17_11_2017_g.pdf (дата обращения: 11.06.2018).
- Роббек В.А. Кочевые школы – синтез двух цивилизаций // Содействие распространению грамотности среди школьников, принадлежащих к коренным народам, путем укрепления потенциала системы общинного образования у кочевых народов Севера Республики Саха (Якутия). Якутск: СМУК-master, 2007.
- Соколовский С.В. Вещность и власть в обыденном сознании (автоэтнографические этюды) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2001. Вып. 7. С. 70–108.
- Соколовский С.В. Автоэтнография и антропологические исследования науки // Антропология академической жизни. М., 2010. Т. 2. С. 24–42.
- Терехина А.Н. Кочевые школы: ограничения или возможности? // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 137–153.
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.08.2018).
- Функ Д.А. Сохранение и развитие языков коренных малочисленных народов Российской Федерации // Север и северяне. М., 2012. С. 51–61.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. И. Окуневой; под общ. ред. Б.М. Скуратова. М.: Практикс, 2005. Ч. 2.

- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск, 2001.
- Хомич Л.В. Ненцы: очерки традиционной культуры. СПб., 1995.
- Школа идет за учеником. 2017 // Сайт Государственной комиссии по развитию Арктики. URL: <https://www.arctic.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2018).
- Laptander R.I. Model for the Tundra School in Yamal: A New Education System for Children from Nomadic and Semi-Nomadic Nenets Families // Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage / ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013. P. 181–194.
- Lavrillier A. Anthropology and Applied Anthropology in Siberia: Questions and Solutions Concerning a Nomadic School among Evenk Reindeer Herders // Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage / ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013. P. 105–127.
- Ventsel A. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Münster: LIT Verlag, 2005.
- Zhirkova S. “School on the Move”. A Case Study: Nomadic Schooling of the Indigenous Evenk Children in the Republic of Sakha Yakutia (Russian Far East). Master Thesis. Tromsø: Centre for Sami Studies, University of Tromsø, 2006.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2018 г.

Terekhina Aleksandra N.

A ‘TRAINING SLEDGE’ AND A KEROSENE LAMP, OR TUNDRASKILLS FOR THE NOMAD KINDERGARTEN TEACHER*

DOI: 10.17223/2312461X/22/3

Abstract. The article presents the experience of an anthropologist as a nomad kindergarten teacher during a long period of fieldwork among the Nenets reindeer herders in Yamal (Yamal-Nenets Autonomous Region, Russia). The author studies human interaction and everyday practices in the tundra kindergarten and attempts to identify a relationship between two conceptual models – the system of federal regulations with regard to education and the Nenets reindeer herders’ nomad lifestyle.

Keywords: Yamal, Nenets, reindeer herders, nomad schooling, nomad kindergarten, education for the indigenous peoples of the North

* The article was supported by the Russian Science Foundation under the project ‘Energy of the Arctic and Siberia: use of resources in the context of socio-economic and environmental change’ (No. 18-18-00309, principal investigator V. N. Davydov).

References

- Avetisian R. Malye narody Arktiki smogut obuchat'sia v spetsial'nykh «kochevykh shkolakh» [The small-numbered peoples of the Arctic will be able to study in special ‘nomadic schools’], *LIFE. Obrazovanie*, 13 March 2017. Available at: <https://life.ru> (Accessed 15 June 2018).
- Atlas kochevogo obrazovaniia* [The atlas of nomadic education]. Salekhard, 2017.
- Bazanov A.G., Kazanskii N.G. *Shkola na Krainem Severe. Vyp. 15* [Schooling in the Far North. Issue 15]. Leningrad, 1939.
- Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Iu., Babenkova N.A. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethnological

- impact assessment in Yamal: Nenets nomadic territories and gas fields]. Ekaterinburg: Izd-vo AMB, 2014.
- Dvizhenie Worldskills* [The Worldskills movement]. Available at: <https://worldskills.ru> (Accessed 25 August 2018).
- Liarskaia E.V. *Severnye internaty i transformatsiia traditsionnoi kul'tury (na primere nentsev Iamala): Dis. ... kand. ist. nauk* [Northern boarding schools and the transformation of traditional culture (a case study of the Nenets of Yamal): a 'Candidate of Sciences' degree dissertation]. St. Petersburg, 2003.
- Mamontova N.A. Na kakom iazyke govoriat nastoiashchie evenki? Diskussii vokrug kochevogo detskogo sada [What language do the real Evenkis speak? Discussions around the nomad kindergarten], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 70–91.
- PMA 2012 (a)* – Polevye materialy avtora, 2012. Ekspeditsiia v Noskovskuiu tundru Taimyrskogo Dolgano-Nenetskogo munitsipalnogo r-na [Author's field materials, 2012. An expedition to the Noskovskaya tundra, Taymyr Dolgano-Nenetskiy district].
- PMA 2012 (b)* – Polevye materialy avtora, 2012. Iamal'skii raion, Iamalo-Nenetskiy avtonomnyi okrug [Author's field materials, 2012. The Yamal district, Yamal-Nenets Autonomous Region].
- PMA 2013* – Polevye materialy avtora, 2013. Ekspeditsiia v Khatangskii r-n Taimyrskogo Dolgano-Nenetskogo munitsipalnogo r-na [Author's field materials, 2013. An expedition to the Khatangskiy district, Taymyr Dolgano-Nenetskiy district].
- PMA 2015–2016* – Polevye materialy avtora, 2015-2016 gg. Ekspeditsiia v Iamal'skii raion Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Author's field materials, 2015-2016. An expedition to the Yamal district, Yamal-Nenets Autonomous Region].
- PMA 2017* – Polevye materialy avtora, 2017 g. Ekspeditsiia v Nadym'skii, Priural'skii, Tazov'skii, Iamal'skii raiony Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Author's field materials, 2017. An expedition to the Nadumskiy, Priural'skiy, Tazovskiy and the Yamal districts of Yamal-Nenets Autonomous Region].
- Proizvodstvennyi kalendar' 2015* [The 2015 calendar of working days and holidays]. Available at: <http://calendar.yoip.ru/work/2015-proizvodstvennyj-kalendar.html> (Accessed 11 July 2018).
- Rezul'taty issledovaniia gotovnosti pervoklassnikov k obucheniiu v shkole v Iamalo-Nenetskom avtonomnom okruge v 2017 godu. Analiticheskii otchet* [The results of a study on the first graders' readiness for school in Yamal-Nenets Autonomous Region in 2017. An analytical report]. Tsentr otsenki kachestva obrazovaniia Instituta strategii razvitiia obrazovaniia RAO. Moscow, 2017. Available at: http://norishkola.ucoz.ru/akt/otchet_janao_gotovnost_2017_17_11_2017_g.pdf (Accessed 11 June 2018).
- Robbek V.A. Kochevye shkoly – sintez dvukh tsivilizatsii [Nomad schools, a synthesis of two civilizations]. In: *Sodeistvie rasprostraneniuiu gramotnosti sredi shkol'nikov, prinallezhashchikh k korennyim narodam, putem ukrepleniia potentsiala sistemy obshchinnogo obrazovaniia u kochevykh narodov Severa Respubliki Sakha (Iakutiia)* [Advancing literacy among school children from nomad backgrounds through enhancing community-based education in the nomadic peoples of the north of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Iakutsk: CMYK-master, 2007.
- Sokolovskii S.V. Veshchnost' i vlast' v obydennom soznanii (avtoetnograficheskie etudy) [Materiality and power in lay peoples' consciousness (auto-ethnographic etudes)]. In: *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii. Vyp. 7* [Ethno-methodology: problems, approaches, and concepts. Issue 7]. Moscow, 2001, pp. 70–108.
- Sokolovskii S.V. Avtoetnografiia i antropologicheskie issledovaniia nauki [Auto-ethnography and anthropological studies of science]. In: *Antropologiya akademicheskoi zhizni. T. 2* [The anthropology of academic life. Vol. 2]. Moscow, 2010, pp. 24–42.
- Terekhina A.N. Kochevye shkoly: ograniicheniia ili vozmozhnosti? [Nomad schools: limitations or opportunities?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 2, pp. 137–153.

- Federal'nyi zakon «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» ot 29.12.2012 N 273-FZ* [The federal law 'On Education in the Russian Federation', No. 273-FZ dated 29 December 2012]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed 25 August 2018).
- Funk D.A. Sokhranenie i razvitie iazykov korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii [Preservation and development of the languages of small-numbered indigenous peoples in the Russian Federation]. In: *Sever i severiane* [The North and its residents]. Moscow, 2012, pp. 51–61.
- Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tiur'my [Discipline and punish: The birth of the prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem, 1999.
- Foucault M. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu. Ch. 2* [Intellectuals and power: selected essays and interviews. Part 2]. Translated from French by I. Okuneva, ed. by B.M. Skuratov. Moscow: Praksis, 2005.
- Khariuchi G.P. *Traditsii i innovatsii v kul'ture nenetskogo etnosa (vtoraia polovina XX veka)* [Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnos (the second half of the 20th century)]. Tomsk, 2001.
- Khomich L.V. *Nentsy: ocherki traditsionnoi kul'tury* [The Nenets: essays on traditional culture]. St. Petersburg, 1995.
- Shkola idet za uchenikom. 2017 [School follows school children. 2017], *Sait Gosudarstvennoi komissii po razvitiuu Arktiki*. Available at: <https://www.arctic.gov.ru> (Accessed 15 June 2018).
- Laptander R.I. Model for the Tundra School in Yamal: A New Education System for Children from Nomadic and Semi-Nomadic Nenets Families. In: *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*. Ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013, pp. 181–194.
- Lavrillier A. Anthropology and Applied Anthropology in Siberia: Questions and Solutions Concerning a Nomadic School among Evenk Reindeer Herders. In: *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*. Ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013, pp. 105–127.
- Ventsel A. *Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village*. Münster: LIT Verlag, 2005.
- Zhirkova S. "School on the Move". *A Case Study: Nomadic Schooling of the Indigenous Evenk Children in the Republic of Sakha Yakutia (Russian Far East)*. Master Thesis. Tromsø: Centre for Sami Studies, University of Tromsø, 2006.